КОРОНА ЧУЖОЙ ВОЛИ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

ZERNIDA

Zernida Zernida
Корона чужой воли

https://litres.ru/74772979
SelfPub; 2026

Аннотация

В Эйдене, столице Вальдрена, растёт недовольство короной. Наместники повышают сборы, церковь разыскивает незарегистрированных магов, а в нижнем городе исчезают люди. За стенами дворца готовятся к мятежу — и ищут оружие, способное его остановить.

Мара Вейр ничего не знает о королевских тайнах. Воровке обещана щедрая плата за реестр из хранилища, и этих денег хватит, чтобы начать новую жизнь. Но во время ограбления в ней пробуждается дар подчинять чужую волю — сила, упоминания о которой столетиями стирали из истории.

Капитан королевской стражи Кайрен Валлар предлагает ей сделку: помощь в поисках тайной лаборатории в обмен на свободу. Расследование связывает их теснее, чем Мара рассчитывала, и приводит ко двору, где наследный принц проявляет к ней опасный интерес.

Пока столица приближается к восстанию, Мара пытается понять, кому можно доверять. Но каждый её приказ оставляет в сознании чужой голос. И те, кто охотится за её даром, знают о нём куда больше, чем она сама.

Содержание

Глава 1. "Чёрная свеча" 4
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Zernida
Корона чужой воли

Глава 1. "Чёрная свеча"

С высоты Красильного моста Эйден казался городом, в котором стоило родиться.

Над черепичными крышами поднимались колокольни Негасимого Света, соединённые узкими переходами, а за ними, на чёрном уступе скалы, теснились башни королевской цитадели. В ясную погоду её окна горели золотом до самого заката. Сегодня дождь скрыл верхние ярусы, и шпили уходили в низкие облака, будто крепость продолжалась где-то над ними. Багровый плющ цеплялся за стены старой обсерватории; с такого расстояния ещё можно было разглядеть его листья, хотя через неделю ветер обдерёт последние.

Я любила смотреть на город отсюда. Внизу, у канала, взгляд неизменно упирался в глухие стены, надстройки и развешанное поперёк улиц бельё. На мосту появлялось пространство. Можно было проследить изгиб реки между складами, увидеть мачты за грузовыми воротами и представить, что однажды сядешь на корабль, уходящий вниз по течению.

Обычно я позволяла себе несколько минут. Сегодня задержалась потому, что после красильного стока всё ещё под-

кашивались ноги.

В правом сапоге хлюпала вода. Когда я опёрлась на парапет, из рукава вытекла тонкая синяя струйка и растеклась по камню возле ладони. От одежды несло щёлоком, мокрой шерстью и той сладковатой дрянью, которую я предпочла бы не узнавать по запаху.

Проход под красильней я проверила четыре дня назад. Тогда на решётке висел простой крюк, а сейчас — новая цепь с замком. Я обнаружила её, уже пройдя под промывочным отделением с футляром за пазухой. Пришлось возвращаться, искать люк и выбираться через работников, среди которых отродясь не было никакой Мары Вейр.

У люка стояла женщина, отмывавшая пол. Она успела разглядеть нож у меня в руке, грязь на куртке и, вероятно, достаточно много подобных дур за свою жизнь, чтобы не задавать вопросов, на которые я всё равно соврала бы. Дала ведро, велела сказать, что послали за песком, а потом вышла следом и прикрыла меня у двери.

Я не знала, почему она помогла. Медную монету взяла, но за медную не стоило спорить с надсмотрщиком, который записывал имена в новенькую книгу.

Память об этом портила удовольствие от спасения. Если надзор начнёт разбираться, женщина останется на мануфактуре, а я к тому времени получу деньги и буду рассказывать Сайле, как удачно выкрутилась.

Я поправила футляр, стараясь не задеть ушибленное реб-

ро. Внутри негромко стукнули камни.

Над каналом протянулся вой сменного гудка. У соседнего моста распахнулись ворота мануфактуры, и на улицу потекли рабочие: сгорбленные под дождём люди, несколько орков в коротких кожаных накидках, тролль, вынужденный пригнуть голову под перекладиной. Их лица сливались в серой сырости, зато деревянные знаки на шнурках были видны хорошо. Надсмотрщик у ворот касался каждого пальцем, сверяя метку, и лишь после этого пропускал.

Я отошла от парапета, пока не захотелось вернуться к красильне и выяснить, не спрашивали ли женщину с ведром обо мне.

У противоположного конца моста гном в кожаном переднике чинил фонарный механизм. Снятый стеклянный колпак стоял у его ног; раскрытая коробка с мелкими колёсиками висела на ремне, чтобы не тянуться вниз за каждым инструментом. На латунной крышке темнело гильдейское клеймо — маленькая ладонь, державшая молот.

Рядом молодой помощник возился с заслонкой газовой трубы.

— Я закрыл её, мастер, — сказал он. — Не понимаю, почему всё ещё тянет.

— Если бы закрыл, мы бы сейчас разговаривали о другом. Убери отвёртку, подай клещи и отойди на два шага. На мосту достаточно людей, которым есть чем думать, не будем добавлять им работы.

Помощник поспешно отступил, едва не задев меня локтем. Я придержала стеклянный колпак, который он качнул сапогом, и поставила подальше от лестницы.

Гном коротко кивнул в благодарность. По его пальцам бежала тонкая чёрная струйка масла; движения оставались точными, почти бережными. Мне всегда нравилось смотреть, как работают люди, уверенные в собственных руках. Сайла так же держала часовые механизмы — без лишней осторожности, которая чаще всего и заканчивалась сломанной пружиной.

Из трубы вырвался последний свист, и гном закрыл клапан.

Я двинулась дальше.

К нижним улицам вела лестница между старыми домами. Их верхние этажи наклонились навстречу друг другу и почти сомкнулись над ступенями. Когда-то на каменном косяке слева вырезали виноградные листья. Большую часть сбили, а в трещины набили паклю, но один лист сохранился целиком, с тонкими жилками и завернувшимся краем. Проходя здесь, я иногда касалась его пальцем.

Сегодня руки были слишком грязными.

✧ ——— ✦ ——— ✧

У лавки Рудда разгружали старую ограду. Железные секции лежали на тележке, придавив друг друга острыми завитками. На одной уцелел герб прежнего владельца: птица с расправленными крыльями и длинным раздвоенным хвостом.

Ржавчина проела ей грудь, но голова оставалась красивой, гордо повёрнутой к чему-то, чего на гербе уже не было.

Я задержалась возле тележки.

Если отчистить железо, выправить прутья и найти человека с собственным садом, за такую вещь можно было выручить хорошие деньги. Рудд наверняка заплатил по весу, ещё и удержал за вывоз.

— Она тяжелее тебя, — сказал его помощник из дверей. — Смотри сколько хочешь, только одна не поднимай.

— Я прикидываю, хватит ли её на клетку для хозяина.

Помощник хмыкнул и отступил, пропуская меня внутрь.

В лавке пахло ржавчиной и промасленной кожей. Вдоль стен стояли медные тазы, связки дверных петель, сломанные весы и два каминных экрана, за которыми с трудом угадывалось окно. Для приличного покупателя Рудд держал отдельную комнату наверху; здесь торговались те, кого больше интересовало, сколько вещь весит, чем кому она прежде принадлежала.

Сам он сидел в конторе возле печки, ел грушу и разбирал счета. На круглом лице лежало выражение человека, которого с утра несправедливо обидели все, до кого он не успел добраться первым.

— Долго тебя не было. Я уже начал беспокоиться.

Я прикрыла за собой дверь и остановилась у левого края стола, подальше от ящика с коротким арбалетом.

— Нужно было послать кого-нибудь к стоку. Там теперь

цепь на решётке, а у хозяйственного выхода проверяют работников. Твой человек, который обещал пустой двор, оказался плохо осведомлён.

Рудд положил недоеденную грушу на блюдце.

— С утра новые распоряжения. Я сам узнал, когда ты уже ушла.

Я стянула мокрую перчатку. Большой палец окончательно вылез из разошедшегося шва.

— И как собирался предупредить?

— Мара, я заплатил за доставку, потому что сам за ней не полезу. Если бы каждый раз всё шло гладко, я посылал бы племянника. Ты умеешь справляться с неприятностями, за это и получаешь свою долю.

Он произнёс это почти доброжелательно, словно напоминал забытое условие нашей дружбы. Я знала Рудда давно: чужие неприятности удивительно легко помещались у него в понятие разумного риска.

Я вынула футляр, но на стол не положила.

— Сегодня справилась. В следующий раз можешь остаться и без камней, и без доставщицы. Ещё вчера работникам хватало знака на шее, а теперь их сверяют по имени. Ты собираешься и дальше отправлять людей так, будто ничего не изменилось?

Рудд перевёл взгляд на футляр. Я слышала, как в печи осыпались угли.

— Сколько ты хочешь?

— Десять серебряных.

Он откинулся на спинку стула.

— Мы договаривались на восемь.

— Когда у решётки не было замка.

— Тебе за каждый новый замок доплачивать? Если кто-нибудь вывесит у ворот дополнительный фонарь, ты и за свет возьмёшь?

— За него можешь не платить. За ложные сведения придётся.

Мне хотелось сесть поближе к печи. Ушибленное колено ныло, а мокрая рубашка холодила спину, но показывать это Рудду я не собиралась. Он платил тем охотнее, чем меньше верил, что человеку действительно нужны деньги.

Рудд взял грушу и повернул, рассматривая срез. Сок блеснул на пальце.

— Девять. И в следующий раз выясняй подробности сама, если моим людям не доверяешь.

— В следующий раз сначала выясни, что именно ты продаёшь мне за восемь.

Я положила футляр на стол.

Он достал весы, расстелил чёрный лоскут и разрезал шнур. Семнадцать камней посыпались на ткань: мелкие, неровные, в белёсых корках породы. При свете лампы один налился тёмным красным. Пока я ползла под красильней, он давил мне под ребро настойчивее остальных.

Рудд подцепил его пинцетом и поднёс к стеклу.

Я следила за руками. Он пересчитывал камни без спешки, иногда проводя большим пальцем по краю лоскута. Мне было известно, как легко возле этой ладони пропадала мелочь.

— Что ещё проверяли на выходе? — спросил он.

— Ты уже решил, что за подробности доплачивать не нужно?

— Пытаюсь понять, стоит ли дальше работать через мануфактуру.

Я рассказала про надсмотрщика с жёлтой полосой на воротнике. Про список, в котором он искал имя. Женщину с ведром не упомянула.

Рудд выслушал, нахмурился и потянулся к своей тетради. При всех недостатках он умел замечать, когда заработок начинал обходиться слишком дорого. Лучше было бы, если бы замечал до моего ухода.

Он выложил деньги на стол, и я проверила каждую монету. Одну пришлось заменить: край срезали так аккуратно, что недостачу можно было почувствовать только пальцем.

Пока Рудд недовольно рылся в ящике, я смотрела на его грушу.

Жёлтая кожица, плотная светлая мякоть, прозрачная капля у среза. На нижнем рынке такие появлялись ближе к зиме — мятые, подмороженные, обычно уже разрезанные, чтобы покупатель видел, какую часть придётся выбросить.

Мне вдруг страшно захотелось целую. Выбрать самую красивую, заплатить, не спрашивая, нет ли дешевле, и съесть

по дороге. Не нести домой половину для Сайлы, потому что на две не хватило.

Я отвела глаза, прежде чем Рудд заметил.

Получив последнюю монету, я убрала кошель за пояс и подошла к двери.

— Где ты купил фрукты?

Он поднял голову, удивлённый переменой разговора.

— На Верхнем рынке. А что?

Я покачала головой и вышла, уже зная, что на Верхний рынок сегодня не пойду. Сначала следовало купить уголь, поесть и показать Сайле порванную куртку. Но грушу всё равно запомнила — вместе с тем, как легко Рудд оставил её недоеденной.

✧ ——— ✦ ——— ✧

К полудню дождь ослаб, оставив над улицами мелкую водяную взвесь. Дым из мануфактурных труб прижимало к крышам, и на Кожевенной пахло гарью даже возле лавок, где ничего не жгли.

На углу торговали горячей репой. Женщина в шерстяной шали переворачивала ломти на железном листе, под которым тлел уголь. От жара покраснели её пальцы, а над навесом кружилась стая чёрных голубей. Один сидел на вывеске и терпеливо ждал, когда упадёт что-нибудь съедобное.

Я купила две порции. Первая исчезла ещё до того, как я дошла до перекрёстка: поджаренная корка обжигала нёбо, но жевать горячее было таким удовольствием, что я не смогла

удержаться.

Возле бывшей пекарни собрались люди. Двое мальчишек прилаживали на стену свежий лист, стараясь разгладить размокшие края. Над ними, прямо на кирпиче, оставалось старое изображение солнечного диска с лучами. Пекарь считал его знаком благополучия, пока не продал печь, чтобы расплатиться с поставщиками.

Теперь поверх одного луча пришлась печать наместника.

Я остановилась позади тролля в коротком рабочем плаще. На его плечах белела каменная пыль, сбившаяся от дождя в плотные разводы. Он наклонился к объявлению и медленно вёл пальцем вдоль строки.

— Прочти про поручителя, — попросила женщина рядом с ним. — Вот здесь, под чертой. Мне вчера другое говорили.

На руках у неё спал ребёнок. Из-под капюшона торчало серое ухо; второе она прикрывала краем шали.

Тролль начал читать, запнулся на длинном слове и сердито выдохнул. Я шагнула ближе.

Объявление касалось дополнительного учёта работников, взысканий за неявку и обязательств тех, кто поручился за чужой долг. Я прочитала нужный абзац дважды, прежде чем решилась объяснить.

— Если человек, за которого ты поручилась, не приходит на назначенные работы, долг взыскивают с тебя. Сначала имуществом. Если его не хватит, назначат отработку.

Женщина подтянула ребёнка выше. Он зашевелился, и

она машинально погладила его по спине.

— А если человек умер? — спросил тролль.

У его ног стоял мешок. Горловину он держал в кулаке, крепко стянув пальцы.

Я снова посмотрела на объявление. Про смерть там ничего не было.

— Нужно свидетельство, — сказала женщина. — Я уже спрашивала. Его заверяют у писца, потом несут в окружную контору. Без него считают, что человек скрывается.

Тролль медленно кивнул.

Я не стала спрашивать, есть ли у него свидетельство. Оттого, как он посмотрел на мешок, захотелось отойти.

На другой стороне улицы стояли двое стражников. Один ел из бумажного свёртка, второй наблюдал за толпой. Под краем его плаща виднелись ножны, а на воротнике поблёскивал королевский знак. За их спинами начиналась улица, ведущая к Верхнему городу, где на ступенях домов даже в дождь не скапливалась грязь: слуги сметали её в канавы.

Я убрала второй свёрток с репой за пазуху и пошла дальше.

Девять серебряных давили на пояс приятно и тревожно. Одну монету нужно было отдать Сайле за уголь и материалы, ещё часть оставить на еду, кое-что — на подошву. Я попробовала прикинуть, сколько получится отложить, и вскоре бросила. Все эти подсчёты я знала заранее.

Мне хотелось другой жизни гораздо сильнее, чем хотелось

золотых украшений или красивого платья. Хотя и их хотелось тоже; я не видела смысла притворяться, будто бедность научила меня презирать хорошие вещи. Я хотела комнату, где зимой не нужно спать в чулках, и постель, с которой не сыплется соломенная труха. Хотела выбирать еду по вкусу, а не по тому, сколько дней осталось до следующей работы. И ещё — входить в лавку так, чтобы хозяин не переставлял товар подальше от моих рук.

Пожалуй, последнее было бы труднее всего купить.

У водяной колонки сидел мальчик лет восьми. Он держал под струёй жестяную кружку без ручки, но смотрел не на воду, а на прохожих.

Я заметила, как его взгляд скользнул к моему поясу.

Рядом имелся удобный проход. Если в нём ждал кто-то постарше, лучше было не подходить. Я прижала кошель локтем и миновала колонку, однако через несколько шагов вспомнила маленькое лицо, на котором старательно изображали равнодушие.

Я и сама так смотрела на чужую еду.

Вернувшись, я положила свёрток на каменный край чаши, оставаясь достаточно далеко от прохода.

— Там репа. Ещё тёплая, если не будешь долго разглядывать.

Мальчик поднял голову. Наверное, рассчитывал на монету, но еду взял сразу.

Я постояла, пока он разворачивал бумагу. Ломоть едва не

выпал, и мальчик поймал его грязными пальцами, испуганно прижав к ладони.

Мне вдруг стало неловко, будто я подсматривала что-то, чего видеть не следовало.

— Медленнее ешь, — сказала я и пошла к дому.

✧ ——— ✦ ——— ✧

Вывеску «Чёрной свечи» качало над дверью между переплётной мастерской и закрытой лавкой пряностей. Когда ветер поворачивал доску, нарисованное пламя исчезало, а сама свеча напоминала обугленный палец.

Я несколько раз предлагала обновить рисунок. Сайла отвечала, что люди приходят к ней за деньгами, а не любоваться вывеской, и это было правдой. Всё равно мне хотелось однажды снять доску, счистить старую краску и нарисовать свечу как следует — с восковыми потёками и светом на медном подсвечнике. Я умела рисовать только то, что достаточно долго видела перед собой, но свечей в нашей жизни хватало.

Дверной колокольчик дребезгнул, задев треснувший край кронштейна.

Сайла сидела за прилавком с раскрытыми часами. У лампы лежали снятая крышка, две пружины и отвёртка с обточенной рукоятью. Она подняла голову и сначала посмотрела мне в лицо, потом на сапоги.

— Стой у порога. Я сейчас принесу тряпку.

Мне хотелось сказать, что я уже достаточно взрослая, что-

бы самой вытереть пол, но вместе с её голосом пришло такое облегчение, что сил на гордость не осталось.

В лавке пахло пылью, воском и супом. У дальней стены теснились подсвечники, две этажерки, коробки с посудой и портрет бородатого мужчины, которого никто не выкупал уже третий год. Сайла однажды предложила продать раму отдельно. Я отговорила: мужчина выглядел достаточно несчастным и без того, чтобы лишиться последнего приличного имущества.

На верхней полке стояла фарфоровая пастушка с отбитой рукой. Рядом лежала найденная для неё замена — чуть крупнее нужного размера. Сайла собиралась подогнать её, когда появится время.

Я знала каждую вещь и могла бы дойти до задней комнаты с закрытыми глазами, если бы Сайла не переставляла стулья.

Она вернулась с тряпкой, бросила её передо мной и присела, разглядывая сапог.

— Снимай осторожно. По тому, как ты стоишь, пятку уже натёрла.

— До дома хватило, а дальше я сегодня никуда не собираюсь.

— Хорошее решение. Хоть одно за утро.

В голосе не было злости. Сайла придержала меня за локоть, пока я вытаскивала ногу, и поставила сапог набок. Из него потекла синяя вода.

Она выпрямилась.

— Где пришлось лезть?

Я рассказала про решётку. Чем дальше говорила, тем глупее звучало моё решение продолжать путь с чужими камнями за пазухой. Пока я была внутри, каждый следующий шаг казался единственно возможным.

Сайла взяла мою руку, повернула к свету. Между пальцами кожа покраснела, а на сгибах осталось немного краски.

— Сначала наверх. Я принесу воду, а куртку оставь здесь. Если щёлок добрался до шва, к утру начнёт крошиться нитка.

— Женщина у люка помогла, — сказала я. — Если бы не она, не знаю, как бы я вышла. Там на двери стоял надзор со списком работников.

Сайла продолжала осматривать мою ладонь.

— Как звали?

— Кто-то позвал её Эддой. На щеке краска, волосы седые под тряпкой. Она работает в промывочной.

Сайла кивнула так, будто я сообщила ей адрес покупателя.

— Может, узнаю, всё ли у неё спокойно. Теперь иди мойся, пока ты мне весь прилавок не перекрасила.

Я поднялась по лестнице, чувствуя, как при каждом шаге тянет колено.

Моя комната прежде служила кладовой. Кровать стояла под скатом крыши, сундук — у окна, а за дверью помещались крючки для одежды. Ничего другого втиснуть сюда не удавалось, хотя я пыталась: прошлой весной притащила ма-

ленький стол и обнаружила, что для сна придётся перелезать через него.

Сайла тогда помогла вынести стол обратно, не сказав ни слова. Смеялась уже внизу, когда решила, что я не слышу.

Я сняла куртку, осторожно стянула штаны и села на сундук. На боку, где давил футляр, наливался синяк. Колено было содрано полосой, под тканью на пятке побурела кровь.

В дверь постучали.

— Воду оставлю здесь, — сказала Сайла. — Чистая рубашка на кровати. И носки возьми из верхнего ящика, твои ещё не просохли.

Я дождалась её шагов на лестнице и открыла.

От таза поднимался слабый пар.

На некоторое время всё остальное перестало иметь значение. Я размочила носок, промыла ссадину и опустила руки в тёплую воду. Пальцы защипало, но постепенно они начали разгибаться свободнее. Я мыла их долго, потом протёрла шею, лицо и волосы у затылка, куда успела затечь грязь.

Пепельные пряди слиплись у висков. После платка каре торчало неровными перьями; я распутала волосы гребнем и отрезала крошечный клочок, который не поддался. В зеркале над сундуком отразились зелёные глаза, красная полоса на щеке и упрямо выступивший подбородок.

У Рудда была племянница, уверенная, что с моим лицом следовало искать богатого покровителя. Она говорила об этом с таким сожалением, будто я портила хорошую вещь

неправильным обращением. Я пробовала представить, как прошу у чужого мужчины деньги на сапоги, и каждый раз предпочитала вернуться к отмычкам.

Закончив, я переоделась, завернула мокрые вещи в полотенце и спустилась.

У прилавка уже стояла покупательница.

✧ ——— ✦ ——— ✧

Орчиха держала перед собой тяжёлую швейную машинку. На рукаве её пальто темнел след от ремня: видимо, несла через плечо, пока не стало слишком больно.

— Вы могли бы оставить её хотя бы до конца недели? — спросила она Сайлу. — Я принесу часть, а остальное потом. Мне нужно только переждать.

— Я могу оставить, — ответила Сайла, — но за неработающую больше четырёх не дам. Если с ней что-нибудь серьёзное, ремонт съест половину.

Я поставила свёрток возле печи и подошла.

У машинки была чёрная чугунная станина с потёртым золотым узором. На боковой стороне сохранилось гномье клеймо, почти скрытое под старым маслом. Такие делали крепко, рассчитывая, что вещью успеют попользоваться дети покупателя. Люди обычно находили способ испортить её раньше.

— Что случилось? — спросила я.

Женщина посмотрела на меня, потом снова на Сайлу.

— Игла застряла. Мужчина в мастерской сказал, нужен

новый держатель, а старый перекосило так, что придётся разбирать всё. За работу попросил столько, сколько у меня не осталось.

Я тронула колесо. Оно прошло половину оборота и упёрлось.

— До этого шила нормально?

— Нитку иногда рвала. Дочь подол подшивала и не заметила крючок. Я только услышала, как хрустнуло.

Сайла подала мне отвёртку.

Я знала этот механизм. Похожая машинка полгода простояла у нас на нижней полке, пока я не перестала бояться, что при разборке из неё выскочит что-нибудь невозвратимое. Внутри обнаружилось меньше деталей, чем я ожидала, зато каждая будто стремилась укатиться под шкаф.

— Тут свет лучше, — сказала я и подвинула машинку ближе к лампе. — Не обещаю, что починю, но посмотреть можно. Если сломано глубже, сразу скажу.

Орчиха поставила на пол жестяную коробку и сняла перчатки. Пальцы у неё были в мелких проколах; возле одного ногтя запеклась кровь.

Пока я снимала крышку, Сайла расспросила её о ткани и заказах. Женщина отвечала сначала неохотно, затем разговорилась. Шила бельё для трактира, брала мелкую работу на дому, но после повышения сбора хозяйка решила платить позже. За съём комнаты, однако, позже не получалось.

Я слушала, вытаскивая туго намотанные нитки. Держа-

тель действительно погнуло, но не так сильно, как можно было решить по мёртвому колесу. Сняв обломок иглы, я осторожно вернула деталь на место.

— А почему вы не попробовали у храмовых мастерских? — спросила Сайла.

Орчиха посмотрела на неё без удивления.

— У них очередь для своих семей. Мне сказали, сначала будут принимать тех, у кого есть поручительство прихода. Я могу принести поручительство из нашей общины, но оно им не подходит.

Сайла только кивнула.

Я провернула колесо. Теперь оно двигалось, хотя на полном обороте ещё чувствовалось сопротивление.

— Иглу новую надо, — сказала я.

Сайла достала коробку. Нашла подходящую не сразу; пришлось сравнить две на свету.

Я поставила иглу, заправила нитку и подложила лоскут. Несколько стежков вышли кривыми, следующие — ровнее. Мы все трое наклонились к ткани.

Орчиха коснулась строчки подушечкой пальца.

— Значит, пока можно?

— Тонкое шить можно. Не гоните быстро и не тяните ткань силой. Держатель всё равно заменить придётся: если ещё раз зацепит, может выломать крепление.

Женщина долго смотрела на движущуюся иглу. Потом потянулась к коробке на полу.

— Сколько я вам должна?

— Две медные, — сказала Сайла. — Держатель поищем отдельно. Зайди через неделю, только старый раньше времени не выбрасывай.

Мне захотелось возразить: одна игла стоила медную, если покупать не по знакомству. Я промолчала, увидев, как женщина разворачивает уголок платка, где лежало всего несколько монет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.